

Линь Хайян стоял на возвышении, когда свет со всей силы ударил ему в макушку — ослепительный и горячий, до рези в глазах.

— Поздравляем наших участников, прошедших во второй раунд, — Линь Хайян!

Вокруг раздались неискренние, редкие аплодисменты. Линь Хайян на секунду остолбенел, потом засуетился, начал кланяться на все четыре стороны — вышло глупо, словно волчок какой.

Как так? Как он снова прошёл?

Взгляды товарищей по команде, полные недоброжелательности, скользнули в его сторону. Он сделал вид, что не заметил, хотя на шее выступил холодный пот.

Даже вернувшись в общежитие после съёмок, Линь Хайян всё ещё не мог взять в толк, что происходит.

По логике вещей, это шоу талантов, где выбирают идиолов — тех, кто умеет и петь, и танцевать, да ещё и выглядит прилично. Из сотни с лишним участников он, прошедший всего двухмесячные актёрские курсы и втянутый сюда наспех, должен был быть просто статистом.

Но вот уже прошло два отборочных тура, многие ребята куда способнее его давно вылетели, а он, этот нескладный верзила без особых талантов, всё ещё держится. Что за дела?

Линь Хайян с тоской перевернулся на койке, потянулся за телефоном — нет, всё отобрали перед шоу. Пришлось покопаться в углу и достать потрёпанный mp3-плеер. Будешь музыку слушать.

Он был в самой низшей категории, и их общежитие было крошечным, набитым шестью человеками. Двое сокамерников вошли с улицы, увидели Линь Хайяна с наушниками — музыка гремела так, что была слышна наружу, — и фыркнули:

— Как это он ещё здесь!

— Да спонсор же у него... — тот, что в зелёном, жеманно поправил чёлку. — Только нынче у спонсоров вкус что-то совсем никуда! Глянь-ка, на кого тратятся...

Линь Хайян обернулся:

— У меня нет спонсора.

— ?!

Они вздрогнули, но тут же сделали серьёзные лица:

— Подслушивал?

— Да нет же, — с простодушным видом Линь Хайян вытащил из уха дырявый провод от наушников. — Сломались, только с одной стороны слышно.

— ...

Притворяться больше не стали. На их уровне они были просто фоном, могли делать что угодно — не то что в продвинутых общежитиях, где даже на таракана наступить попадешь в кадр.

Отставили тазики и подсели:

— Ну, рассказывай, сколько твой спонсор в тебя вложил?

Линь Хайян повторил:

— Да нет его.

Тот, что в зелёном, фыркнул и ткнул ему в бок изящным пальцем:

— Не скромничай! С такими-то танцами, с таким-то пением — кто бы за тебя голосовал?

Линь Хайян сглотнул:

— Я и сам знаю, что не очень, но не до такой же...

Сокамерники переглянулись, решили, что он просто упрямится, и забрали тазики обратно.

— Пусть твой спонсор для начала mp3 новый купит! Жалко же смотреть.

Линь Хайян с облегчением вздохнул и повалился на кровать.

Он не понимал, что происходит, но знал, что это его последняя передышка. Завтра снова начнутся тренировки, и его, взрослого мужика, опять будет отчитывать полутораметровый хореограф и заставлять стоять в углу лысый учитель пения...

Эх, обидно до слёз.

На следующее утро Линь Хайян, как обычно, поднялся в полседьмого на зарядку.

Крадучись вышел из комнаты — соседи храпели, переключаясь, — сунул в карман mp3 и потопал на занятия.

В шоу было пять звёздных наставников, все — маститые артисты с народной любовью. Они изредка вели мастер-классы, и тогда зал был забит битком. А на обычные уроки с рядовыми преподавателями...

... народу почти не было.

В пустом классе, где сидели всего трое, Линь Хайян уставился на лысину учителя пения, так и застыв.

Рядом парень с седыми волосами — У Юэ, из категории А, контракт с известной на весь industry компанией. Линь Хайян в музыке не разбирался, в вокальных техниках — и подавно, но ему казалось, что высокие ноты У Юэ вот-вот сорвут крышу.

Учитель пения расплылся в улыбке, как сморщенный цветок, и голос его стал певучим:

— Э-э-эх, да-да! Вот так! Замечательно!

Когда У Юэ закончил, Линь Хайян робко подошёл на смену, но учитель мгновенно вытянулся, как огурец, и бросил сухо:

— Пой.

Песня была нежной, лиричной. Линь Хайян глубоко вдохнул, закрыл глаза, с лёгкой дрожью в голосе завёл:

— Если ты захочешь, я увезу тебя на край света...

— ... — У Юэ, собиравшийся послушать для общего развития, не выдержал:

— Как ты вообще дошёл до этого этапа?

Линь Хайян невинно ответил:

— Сам не знаю.

Учитель пения из огурца превратился в разъярённый кабачок из «Растений против зомби» и выставил Линь Хайяна за дверь.

Тот покорно вышел, чувствуя себя глубоко оскорблённым.

С момента старта шоу прошло уже два концерта: участники сами сбивались в группы или выступали в одиночку, выбирая пение, танцы или и то, и другое. Зрители голосовали, и в итоге должны были выбрать девять человек для дебюта.

Конечно, из сотни участников многие уже были «раскручены» и пришли сюда не за дебютом, а за exposure и ресурсами.

Линь Хайян, первокурсник, поступавший на актёрский, был замечен скаутом, когда покупал шашлык на улице в семейных трусах. Дома денег не было, бабушке срочно нужна была операция — вот он и подмахнул контракт, оплатил лечение, а сам угодил на шоу в качестве «заполнителя».

— Эх...

Он вздохнул, понуро опустив голову.

В первом концерте человек пять-шесть из его компании ещё пытались тянуть его за собой, но, потрясённые его умением фальшивить на ровном месте и падать на ровном же, в итоге поставили в самый задний ряд, где он и простоял весь номер, едва не став позором всей группы.

Первое голосование — большинство зрителей ещё путались в лицах, и, кроме явных фаворитов, выбирали кого попало по фотографиям.

... Ну а Линь Хайян, с его выдающейся внешностью, выгодно выделялся на фоне бледнолицых конкурентов и благополучно пролез во второй раунд.

Во втором концерте Линь Хайян, собрав волю в кулак, пропадал в тренировочной по десять часов в день, до ломоты в мышцах, до остервенения — и в итоге торжественно шлёпнулся на сцене.

Шлёпнулся так, что до сих пор на коленях синяки, больно дотронуться. Хорошо ещё, он был в задних рядах, камера не успела поймать. Он, перепуганный, сделал рывок с места и продолжил выступать, будто так и надо.

Эх, до чего же больно...

Линь Хайян потер колени и поплёлся на танцы.

— Хайян, и как ты в этот раз собираешься выкручиваться?

В столовой яблоку негде было упасть. Линь Хайян наложил себе куриных крылышек и, услышав вопрос от парня из своей компании, серьёзно ответил:

— Конечно, с вами.

Шутка ли — он, ничего не умеющий, мог только отсиживаться в задних рядах. Если выйдет один — опозорит не только себя.

Тот похлопал его по плечу:

— Хайян, я тебе по-дружески: это уже третий раунд. Если не блеснёшь — вылетишь. Вечно ты в заднике торчишь, кто за тебя голосовать-то будет?

Линь Хайян, набив рот крылышками, пробормотал:

— Я и так удивлён, что так долго продержался...

Поел, немного прошёлся — и сразу в тренировочную своей команды.

Линь Хайян был человеком, от природы лишённым музыкального слуха. О пении вразнобой и говорить нечего — даже простейший ритм был ему не по зубам. А его танцы... его танцы были до того деревянными, что вызывали священный ужас. Ни капли пластики, сплошная мужская, brutальная энергетика.

— Вообще-то, я спортсмен, с детства ушу занимался, — на вопрос разгневанного хореографа Линь Хайян ответил, виновато почесав затылок. — В спортшколе брали первых шесть мест, а я седьмым был, вот и пришлось на актёрский податься. Эх, обидно...

... В общем, актёр из него вышел вынужденный.

Уровень у команды был так себе, хореография — не самая сложная. Линь Хайян уверенно встал в стойку, глубоко вдохнул, взял разгон — и принялся выписывать движения с такой мощью и отточенностью, будто исполнял боевой комплекс.

<http://bllate.org/book/16280/1466009>